DOI: 10.17976/jpps/2015.06.06

КИТАЙСКИЕ И ЗАПАДНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КНР[1]

И.Е. Денисов

ДЕНИСОВ Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России. Для связи с автором: iedenisov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 02.09.2015. Принята к печати: 30.09.2015

Аннотация. В статье рассматриваются идейно-политические процессы в КНР после прихода к власти нового руководства во главе с Си Цзиньпином. Автор формулирует несколько методологических подходов для оценки политики руководителей "пятого поколения", подробно анализирует отправные точки модернизационного проекта Си Цзиньпина и приходит к выводу, что курс на возрождение китайской нации является попыткой продолжить решение задач внутренней модернизации при сохранении национальных идентификационных кодов и устойчивости традиционных политических механизмов. Выдвижение консолидирующей концепции "китайской мечты" во многом было продиктовано необходимостью найти надежный базис для общественного консенсуса. Последние идеологические кампании (от критики идей конституционализма до пропаганды "ключевых ценностей социализма"), по мнению автора, направлены на то, чтобы сформировать ценностную основу уникального китайского пути. Запад же используется как "внешний Другой" и представителями либерального крыла в партии, и сторонниками консерватизма. Преодоление бинарного противопоставления "Китай – Запад" станет знаком наступления новой эпохи в истории развития Китая и будет означать создание новой китайской идентичности.

Ключевые слова: Китай; Си Цзиньпин; глобализация; национальная идентичность; западные ценности.

Проблема национальной идентичности в эпоху глобализации является одной из актуальных тем политологических исследований. В условиях культурного и национального многообразия не может быть универсального ответа на вызовы глобализации, поэтому предметом изучения становятся как общие закономерности глобализации, так и особенности ее национального преломления. "Современная глобализация, – отмечает Дэвид Хелд, – подвергает трансформации власть государства и характер политического сообщества, однако любое описание этого в виде простой потери или ослабления национальной власти искажает происходящее" [Held 2000: 397].

Современное китайское государство подает один из наиболее ярких примеров поиска собственного пути в условиях глобализации, которая сглаживает цивилизационные различия, по определению американского журналиста Томаса Фридмана, делая мир из круглого плоским. Выдержит ли Китай давление накопившихся в ходе реформ проблем в сочетании с глобализационными вызовами? Насколько устойчива адаптационная модель, позволяющая Коммунистической партии Китая сохранять правящие позиции, не "раство-

[1] Автор искренне благодарен Д.А. Добролюбову, А.Н. Карнееву, С.Г. Лузянину, С.С. Радченко, И.А. Сафранчуку, С.М. Трушу, А.П. Цветову, А.Л. Чечевишникову за ценные замечания по первоначальному варианту настоящей статьи.

рится" ли она в глобализации? Эти вопросы находятся в центре научного интереса китаеведов, особенно после смены поколений в руководстве КНР и прихода к власти Си Цзиньпина.

Задача настоящей статьи – показать, насколько нынешнее китайское руководство осознает возможные угрозы устойчивому развитию Китая и как на них реагирует. При этом мы главным образом обратим внимание на социально-политические вызовы, поскольку экономический и внешнеполитический аспекты достаточно подробно и полно освещены в работах отечественных и зарубежных авторов [Бергер 2009; Гордиенко, Лузянин 2013; Кондрашова 2014; Bergsten et al. 2007; Shambaugh 2013 и др.].

Сознавая масштабность исследовательской задачи, считаем необходимым сузить тему данной работы, обсудив в качестве основной традиционную для китайских реформаторов разных эпох проблему соотношения модернизации и вестернизации. Присутствие в современном политическом дискурсе КНР темы китайских и западных ценностей важно проанализировать с точки зрения содержания и направленности нынешнего этапа китайских реформ.

Прежде всего, изложим несколько методологических замечаний, которые, на наш взгляд, важно учитывать при анализе современных идеологических процессов в КНР. Вопрос о том, является ли концепция "китайской мечты" Си Цзиньпина неким альтернативным антизападным проектом, далеко не прост. О том, что мы имеем дело с наметками курса, в максимальной степени учитывающего особенности и потребности развития Китая, мало кто спорит. Между тем, поскольку это еще не сформировавшаяся до конца концепция, ее конкретное программное наполнение остается неясным. Это должно предостеречь исследователя от поспешных выводов, линейных проекций и односторонних трактовок.

Для внешнего наблюдателя развернутая в КНР критика западных ценностей, с одной стороны, может выглядеть как сигнал о том, что Китай порывает с практикой копирования западных управленческих решений или даже настроен на конфронтацию с Западом (при этом понятие Запад включает в широком смысле "свободный мир" – т.е. ведущие индустриальные державы, действующие в либеральной парадигме). С другой стороны, по-прежнему заметны попытки использовать западный опыт для повышения качества принимаемых решений, способностей КПК управлять усложнившимся обществом.

Нам представляется важным проанализировать отправные точки модернизационного проекта Си Цзиньпина, т.е. выяснить, какое наследство ему досталось от прежнего руководства, какие главные общественные разломы пришлось срочно закрывать новому лидеру. Это, как видится, позволит лучше уяснить сделанный высшим руководством выбор, в том числе понять отношение лидеров "пятого поколения" к вестернизации, к тому, от какого Запада отказывается Китай и что готов заимствовать. Кроме того, весьма актуально проанализировать, насколько Запад сохраняет свое значение для китайских реформаторов как своего рода "референтная группа", и каким образом дискуссия о западных ценностях может повлиять на практику реформ.

ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Китайская Народная Республика, чье бурное экономическое развитие во многом явилось следствием открытости внешнему миру, сегодня испытывает

мощный натиск глобализации, в которую вовлечены не просто крупные корпорации, но все сферы общественной жизни, меняющей привычки и образ жизни отдельных людей, входящей практически в каждый китайский дом – посредством брендов, Интернета, бестселлеров, голливудских фильмов или южнокорейских сериалов.

Глобализируется и китайская политическая элита – как официальным путем – через образование и стажировки на Западе, включенность в механизмы международного экономического сотрудничества и глобального управления, так и с помощью личных (и не всегда легальных) каналов (бизнес-интересы, банковско-финансовые операции, приобретение недвижимости за границей, зарубежное образование детей и т.д.).

В условиях слабости официальной идеологии происходит явная секьюритизация любого иностранного культурно-идеологического проникновения, к этому прибавляется страх властей перед "цветными революциями". Новый импульс этим настроениям дали последние события на Тайване (движение "подсолнечников" – представителей молодежи, выступающих против быстрого сближения с материковым Китаем) и многодневная акция "Оккупируй Централ" в Гонконге. Хотя в сегодняшнем Китае средний класс и молодежь и не стали локомотивом широкого демократического движения, как ранее прогнозировали некоторые зарубежные политологи, однако эти две социальные группы сильно заражены консьюмеризмом и не очень активно реагируют на попытки идейно-политической мобилизации. Националистические настроения молодежи могут использоваться властями для решения как внутренних (консолидация), так и внешнеполитических задач (усиление позиций в территориальных спорах). Однако среди руководства есть понимание того, что радикальный национализм, если дать ему развернуться в полную силу, будет представлять угрозу нынешнему режиму. "Недовольный Китай" может сказать "нет" не только "внешним врагам", но и партийной бюрократии, действия которой может посчитать недостаточно патриотичными и решительными. Именно поэтому "сетевой национализм" находится под постоянным контролем интернет-цензоров.

К одному из глобальных вызовов, приведших к радикальному изменению политического ландшафта, можно отнести бурное развитие Интернета в Китае. Современные идейно-политические процессы характеризуются не только поляризацией мнений, но и новыми характеристиками информационной среды. Власти не утратили полностью возможность формировать и предлагать обществу значимую повестку, как ее понимает КПК, но это право уже не является монопольным. С помощью блогов и социальных сетей в медиапространство выходят и приобретают все больший авторитет лидеры общественного мнения, журналисты, ученые, деятели культуры.

Общественно-политическая мысль Китая ищет способы реагирования на комплекс новых вызовов, причем предлагаемые варианты лежат в совершенно разных плоскостях – от праволиберальных призывов быстрее встраиваться в систему "общечеловеческих ценностей" до обращения к Мао, который представляется символом социального равенства и "самостоятельного пути" Китая, от попыток положить в основу внутренней и внешней политики конфуцианские идеалы до ультранационалистических версий "века Китая" и призывов активно противостоять монополии Запада в международных делах и "куль-

турному империализму". Призывы к демократизации звучат не только со стороны "прозападных" интеллектуалов, но и от "новых левых", чья позиция близка к европейским неомарксистам и антиглобалистам. Представители этого идейного течения критикуют нынешний режим за то, что он не развивает демократию в Китае, поскольку служит интересам глобальных финансовых элит[2].

По оценке российского китаеведа В.А. Корсуна, Китай представляет собой *гигантскую социокультурную лабораторию*, "которая не укладывается многими своими "'измами' с китайской спецификой" в мирополитическое единство и в которой сегодня причудливо переплетаются элементы сразу нескольких социальных эпох" [Корсун 2008: 78].

Активно влиять на работу такой "социокультурной лаборатории" и в решающей степени определять "дорожную карту" национальной консолидации стремится власть. Сохранение национальной самобытности и построение сильного национального государства – важные составные части идеологемы "китайской мечты", озвученной Си Цзиньпином после прихода к власти в 2012 г.

ВЫХОД РЕФОРМ НА "ГЛУБОКУЮ ВОДУ"

Что касается определения конкретных мер в рамках нового курса, то важно понимать основополагающую мотивацию руководства, которая определялась сложностями нынешнего этапа китайских реформ. В связи с замедлением темпов роста экономики и сохраняющимися острыми социальными проблемами Китай переживает своего рода переходный период, и критическим моментом для сохранения стабильности режима и современной легитимации КПК является создание "институтов и норм, необходимых для ответственного и справедливого управления внутри страны и конструктивного поведения на международной арене" [Lampton 2014: 127]. Это предполагает всестороннее осмысление опыта проведения реформ, а также выдвижение свежих идей по содержанию нового модернизационного рывка. Как сформулировал суть этого грандиозного проекта Си Цзиньпин, задача состоит в том, чтобы "к середине века – создать богатое и могущественное, демократическое, цивилизованное, гармоничное и модернизированное социалистическое государство, чтобы сделать явью китайскую мечту о великом возрождении китайской нации" [Си 2014: 77].

Можно лишь условно говорить о преемственности курса при передаче власти "пятому поколению" руководителей; по сути, Си Цзиньпину и его команде приходилось если не начинать с чистого листа, то существенно менять правила игры (в первую очередь это касается антикоррупционных мер и курса в отношении элит). С точки зрения стратегии нынешнее поколение руководителей столкнулось с необходимостью выработать политические установки, которые будут определять процесс превращения Китая из большого государства в сильное, при этом руководству одновременно надо срочно решать и тактические задачи – последовательно разбираться с "узкими местами", доставшимися в наследство от предшественников.

Следует подчеркнуть, что перед Си Цзиньпином, как перед любым китайским реформатором, встает целый набор сложных вопросов: каким будет соотношение традиций и инноваций, в чем будет заключаться китайская специфика реформ, и, наконец, будет ли путь возрождения китайской нации воспроизведением на новом уровне прежних подходов, сочетающих китайское

[2] Автор признателен А.Н. Карнееву, обратившему внимание на особенности позиции "новых левых".

и западное, например согласно традиционной формуле, предложенной еще Чжан Чжидуном[3] (*чжун сюэ вэй ти, си сюэ вэй юн* – использовать китайское учение в качестве фундамента, а западное учение – для утилитарного применения).

Однако вестернизация в любой форме понимается многими китайскими экспертами как отрицание национально специфического пути Китая. Так, Чжао Тинян (Академия общественных наук КНР) считает, что даже маоистский Китай был более вестернизированным, чем когда-либо, и не только потому, что марксизм и коммунизм являются западными изобретениями, но и потому, что в этот период была девальвирована традиционная китайская культура.

Парадоксы "модернизационного проекта" Мао Цзэдуна ученый объясняет тем, что речь шла о выживании нации, "спасение страны требовало эрозии или предательства национальной специфики" [Чжао 2014: 26]. Впрочем, оправдывая западные заимствования тактически, он видит и неблагоприятные стратегические последствия такого подхода, поскольку "вестернизация – это девальвация китайских традиций и систематическая трансформация страны в нацию, зависимую от западной системы и западной игры" [там же: 23].

Разумеется, оценки Чжао Тиняна по поводу характера преобразований в первые три десятилетия КНР разделяют далеко не все китайские обществоведы, однако общепризнано, что исторически проблема модернизации страны виделась именно в парадигме отношений "Китай – Запад", является. Вопрос – каким образом выйти из этого заколдованного круга? Иными словами, возможна ли вообще в китайских условиях модернизация без вестернизации и может ли Китай обеспечить миллиардному населению уровень жизни передовых западных стран, сохраняя цивилизационную идентичность, не подвергая взрывным реформам, а то и полному уничтожению существующие политические институты, не вызывая разрушения социальных связей и не доводя до опасной черты уровень доверия граждан к власти.

Нам представляется, что здесь одинаково опасна как идеализация западных рецептов, так и неадекватная оценка собственной политики, что иногда может быть следствием привычки смотреть в "западное зеркало". Похоже, китайское политическое руководство в свое время попало в плен яркого, но весьма схематичного и, на наш взгляд, далекого от жизни понятия "пекинский консенсус". В одноименной работе Джошуа Рамо, бывшего редактора американского журнала *Time* и аналитика инвестиционной компании *Goldman Sachs*, путь китайских реформ рассматривался как альтернатива "вашингтонскому консенсусу", основанному на либеральной модели общественного развития [Ramo 2004]. Как отмечает А.Н. Карнеев, дискуссия вокруг теории "пекинского консенсуса" спровоцировала в КНР "взрыв интереса к обсуждению исторической значимости 'китайской модели' или 'китайского опыта', его применимости в глобальном масштабе" [Карнеев 2008: 56].

Правда, по нашим наблюдениям, вслед за Рамо его многочисленные комментаторы преувеличивали возможности глобального применения "теорем" "пекинского консенсуса", а внутри Китая – явно идеализировали китайский опыт, рассматривая, например, технические инновации как универсальное средство разрешения социальных противоречий. Уникальность китайского вы-

[3] Чжан Чжидун (1837-1909), китайский чиновник эпохи Цин.

бора, по их мнению, состояла в том, что ставка делалась не на демократию, а на авторитаризм, не на индивидуализм и личную инициативу, а на коллективистские начала. Теоретическая модель Рамо, родившись на Западе, похоже, столь впечатлила некоторых представителей китайской научной и политической элиты, что в какой-то момент помешала им критически оценить, что при всех несомненных плюсах прежний курс уже начинает продуцировать отрицательную энергию.

В последние годы правления руководителей "четвертого поколения" Ху Цзиньтао – Вэнь Цзябао в политикообразующем классе продолжалась дискуссия, отразившая новый этап эволюции социально-политической системы, и эта дискуссия даже вызывала идейно-политическое размежевание среди элиты [Карнеев 2011: 270-271], однако разговоры об углублении реформ не привели к сколь-нибудь заметным и системным изменениям в проводимой политике – это при лавинообразном нарастании проблем в обществе.

Сильнее всего реформы стали буксовать во время второго пятилетнего срока Ху Цзиньтао (2007-2012 гг.), что, с одной стороны, было связано с доминировавшим тогда консенсусным принципом принятия решений, когда наиболее серьезные шаги должны были быть одобрены представителями предыдущего поколения руководителей. С другой стороны, умножились вызовы (тупик экстенсивной модели, коррупция, растущее имущественное неравенство, непрозрачность и низкая эффективность системы социальных лифтов, деградация экологической системы, старение населения, террористическая угроза и т.д.), усложнились задачи, а выход реформ на новый уровень – как говорят в Китае, на "глубокую воду" (*шэньшуйцюй*) – многократно поднял ставки. При этом власти испытывали сильный страх допустить ошибки, главным образом из-за исторической травмы, которой стал крах КПСС и распад СССР. К примеру, реформа госкорпораций при правительстве Вэнь Цзябао так и не была по-настоящему начата, не только из-за противодействия влиятельных групп интересов, но и из-за элементарной боязни, что неверные действия могут обрушить экономику и вызвать беспорядки.

Китайские политики недооценили перспективы замедления темпов экономического развития – в силу изменения мировой конъюнктуры или исчерпания возможностей модели экстенсивного роста. Высокие темпы роста экономики, которые, как показал последующий период, вовсе не вечны, должны были обеспечивать постоянную легитимность. Понятно, что все это изначально было иллюзорным представлением. Многочисленные, но пока разрозненные протестные акции невольно мультиплицировались политической элитой, и реальным в их глазах становился сценарий, описанный А.В. Лукиным: "В случае угрожающе серьезного роста протестных настроений уйти придется не отдельному правительству, а элите в целом, причем, возможно, уйти в обстановке хаоса и насилия, когда многие ее реальные достижения будут утеряны" [Лукин 2015: 270].

Идеалы меритократии оказались недостижимы, что чрезвычайно ярко показало дело члена Политбюро ЦК КПК, секретаря горкома партии г. Чунцина Бо Силая. В ходе следствия над этим чиновником, приговоренным в 2013 г. к пожизненному заключению, вскрылись не просто факты коррупции, но стала очевидна крайняя степень морального разложения элиты. Внешне вполне открытая к западному влиянию партийная бюрократия на деле оказалась погруженной в глубины мрачного традиционного общества.

Что же касается дихотомии *индивидуализм – коллективизм*, то, пожалуй, самым серьезным негативным результатом реформ, который потом пришлось преодолевать Си Цзиньпину, стали проблемы именно в этой области: коллективистские ценности размывались, в обществе росло взаимное отчуждение. Отсутствие межличностного доверия, разрыв социальных связей, кризис в отношениях граждан и государственных институтов – все это было (и во многом еще остается) реальностью китайского общества. Накал социального напряжения иллюстрирует следующий текст анонимного автора, который широко распространялся в китайских социальных сетях.

У нас нет страны. У нас нет по-настоящему принадлежащих нам земли, домов и даже кладбищ. У нас нет права на деторождение, нет свободы выезда и въезда, нет свободы слова. У нас нет возможности защитить себя от несправедливого обращения. Мы не граждане, мы – население. Мы группа арендаторов, временно находящихся на этой земле Китая. До тех пор, пока все это не изменится, вы можете заставить меня горячо любить земной шар, но, пожалуйста, не надо говорить со мной о какой-то любви к стране. У нас нет никакой страны[4].

Коррумпированная и неэффективная элита (глобализированная, но не модернизированная) и опасная перспектива дальнейшей атомизации общества с усилением духовного вакуума – вот главные проблемы, которые срочно пришлось решать новому руководству во главе с Си Цзиньпином. Выдвижение консолидирующей концепции "китайской мечты" во многом было продиктовано необходимостью найти надежный базис для общественного консенсуса как основы и для продолжения реформ, и для легитимации власти.

Кампания критики "западных ценностей" и Запад как "внешний Другой"

Такой базис был найден в обращении к идеалу "сильного Китая", который должен занять подобающее место в ряду великих держав, но, как подчеркивалось неоднократно Си Цзиньпином, для этого надо быть сильным внутри. Внутренняя консолидация проходила не только путем обращения к традиционной для китайских идеологов теме "периода столетнего унижения", когда после "опиумных войн" Китай оказался отброшен в своем развитии назад, но и путем формирования у населения позитивного образа современного, справедливого и гармоничного государства. Отсюда усилившийся акцент на проведение политики в соответствии с принципом "*и жэнь вэй бэнь*" (человек в основе всего), реформа правовой системы, построенная на идеологеме "*и фа чжи го*" (управление государством в соответствии с законом).

По сути, в реформе политической системы использованы многие западные либеральные подходы – речь, скажем, идет об усилении независимости судебной системы, о повышении транспарентности работы правительственных органов, внедрении механизмов обратной связи между обществом и властью. В борьбе с коррупцией приоритет отдается не только репрессивным мерам, но и созданию институциональных механизмов контроля над бюрократией, не случайно широко популяризируется призыв Си Цзиньпина "запереть власть в клетке системы". В этом суть того, что в некоторых китайских публикациях

[4] Women meiyou guo. – *Weibo*. 01.10.2013. URL:http://www.weibo.com/2342740235/Ac2MC6DLm (accessed 07.10.2015).

уже названо "пятой модернизацией", под которой подразумевается комплекс мер, направленных на повышение способностей партии управлять страной.

Критика же универсальных ценностей Запада, на наш взгляд, имеет одну мишень – главным образом отвергается идея многопартийности и соревновательности политических программ. Провозглашенный Си Цзиньпином курс на возрождение китайской нации выглядит прежде всего как попытка продолжить решение задач внутренней модернизации при сохранении национальных идентификационных кодов и устойчивости традиционных политических механизмов (в рамках любых реформ примат сохранения власти КПК – несомненен), и, уже во вторую очередь, как стремление определить внешнеполитические приоритеты Китая с твердой опорой на возросшие национальные интересы.

Критика западного универсализма действительно может быть очень резкой, скажем, раздаются призывы пересмотреть вузовские программы, освободившись от учебников западных авторов. Это может восприниматься как признак растущего авторитаризма китайской власти и даже как тенденция к автаркии. Однако нам кажется, что недооцениваются особенности идеологических кампаний КНР, которые очень часто в истории были не трансляцией уже готового набора подходов и решений, а как раз способом найти эти решения.

Череда идеологических кампаний (от критики идей конституционализма до пропаганды "ключевых ценностей социализма"), как представляется, и направлена на то, чтобы сформировать ценностный базис китайского пути. Запад же используется как "внешний Другой" и представителями либерального крыла в партии, и сторонниками консерватизма. При этом каждая группировка использует Запад как некую точку отсчета, которая показывает, от чего Китай отказывается и что он принимает. Включение вопроса о западных ценностях в политический дискурс вовсе не означает, что Китай видит себя участником некоей цивилизационной битвы, в которой Запад выступает в качестве враждебного образования. Думается, что иначе и быть не могло, поскольку сейчас усилия китайских реформаторов фактически направлены на завершение модернизационных процессов, старт которым дала еще Синьхайская революция, а ее идеологи черпали свои идеи у западных мыслителей. Чрезвычайно поучительно для сегодняшней ситуации историческое наследие Движения 4 мая, давшего "богатое разнообразие политических альтернатив" [Mitter 2004: 104].

В условиях глобального кризиса западноцентричных подходов "зацикленность" китайских дискуссий на критике или апологии западной модели может выглядеть несовременно. Для правильной оценки идущих сейчас идейно-политических процессов необходимо, на наш взгляд, учитывать переходный характер нынешней китайской модели – в резких на взгляд постороннего дискуссиях и различных социальных экспериментах Китай ищет свой путь, и со временем может уйти от бинарного противопоставления "Китай-Запад", что как раз и будет знаком наступления новой эпохи в китайской истории. Ее ключевым смыслом будет создание идентичности, которая, по мнению китайских обществоведов, должна интегрировать в себя традиционный Китай, современный Китай и глобальный Китай. Здесь, как и в любом проекте по формированию новой идентичности, могут быть как успехи, так и откаты назад. Многовариантность этого процесса определяется тем, что пока не ясно, насколько удастся удержать его в желаемом для правящей партии русле, будет ли проходить синтез новой идентичности исключительно с использованием

партийно-государственного ресурса, или в будущем сможет быть обеспечена широкая соревновательность различных моделей.

Бергер Я.М. 2009. *Экономическая стратегия Китая*. М: ИД "ФОРУМ". 560 с.

Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г. 2013. Глобализация и обеспечение экономической безопасности Китая. – Сафронова Е.И. (отв. ред.). *Китай в мировой и региональной политике. Выпуск XVIII*. М.: РАН. Институт Дальнего Востока. С. 296-329.

Карнеев А.Н. 2007. Китай и глобализация через призму дискуссий китайских ученых. – *Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. Сборник статей международной научной конференции*. М. С. 45-63.

Карнеев А.Н. 2011 "Китайская модель" и споры по ее сущности в КНР. – *Владивосток 2012: АТЭС и новые возможности России*. М.: Университетская книга, ИСАА МГУ Москва. С. 255-275.

Кондрашова Л.И. 2014. *Китайская мечта о национальном возрождении*. М.: Институт экономики РАН. 36 с.

Корсун В.А. 2008. Идентичность "с китайской спецификой". – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 68-79.

Лукин А.В. 2015. Китай: медиократия, меритократия или демократия? – *Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях)*. М.: Международные отношения. С. 268-270.

Си Цзиньпин. 2014. Осуществление китайской мечты на благо не только китайского народа, но и народов всего мира. – *О государственном управлении*. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. С. 77-79.

Чжао Тинян. 2015. Современный взгляд на китайскую мечту. – *Международные процессы*. Т. 13. № 2 (41). Апрель-июнь. С. 21-34.

Bergsten F., Gill B., Lardy N.R., Mitchell D. 2007. *China: The Balance Sheet: What the World Needs to Know Now About the Emerging Superpower*. N.Y.: Public Affairs. 224 p.

Held D. 2000. Regulating Globalization? The Reinvention of Politics. – *International Sociology*. Vol. 15(2). P. 394-408.

Lampton D.M. 2014. How China is Ruled: Why it's Getting Harder for Beijing to Govern. – *Foreign Affairs*. January/February. P. 74-84.

Mitter R. 2004. *A Bitter Revolution: China's Struggle with the Modern World*. Oxford: Oxford University Press. 357 p.

Ramo J.C. 2004. *The Beijing Consensus*. L.: The Foreign Policy Center. 74 p.

Shambaugh D. 2013. *China Goes Global: The Partial Power*. Oxford: Oxford University Press. 432 p.

DOI: 10.17976/jpps/2015.06.06

CHINESE AND WESTERN VALUES IN THE MODERN POLITICAL DISCOURSE OF CHINA

I.E. Denisov[1]

[1]*Moscow State University of International Relations, MFA of Russia. Moscow, Russia*

DENISOV Igor Evgenevich, Senior Research Fellow, Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: iedenisov@mail.ru

Received: 02.09.2015. Accepted: 30.09.2015

Abstract. The article deals with ideological and political processes in China under the leadership of Xi Jinping. The author formulates several methodological approaches for policy evaluation of the "5th generation" of leaders, thoroughly analyzes the starting points of Xi Jinping's modernization project, and concludes that the course for the rejuvenation of the Chinese nation embodies an attempt to continue the tasks of domestic modernization while maintaining the national identification codes and the stability of traditional political mechanisms. Proclaiming the consolidating concept of "Chinese dream" largely dictated by the necessity to find a reliable basis for the public consensus. In the author's opinion, the recent ideological campaigns (from the criticism of constitutionalism to propaganda of the "core socialist values"), are intended to form a value basis of the unique Chinese way. The West, in turn, is used as the "external Other" both by the representatives of the liberal wing of the party and by the advocates of conservatism. Overcoming the binary opposition "China – the West" will mark the new era in the history of China's development and will mean creation of a new Chinese identity.

Keywords: China; Xi Jinping; globalization; national identity; Western values.

References

Berger Ya.M. *Ekonomicheskaya strategiya Kitaya* [The Economic Strategy of China]. Moscow: FORUM. 2009. 560 p. (In Russ.)

Bergsten F., Gill B., Lardy N.R., Mitchell D. *China: The Balance Sheet: What the World Needs to Know Now About the Emerging Superpower*. New York: Public Affairs. 2007. 224 p.

Gordienko D.V., Luzyanin S.G. Globalizatsiya i obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti Kitaya [Globalization and Provision of China's Economic Security]. – Safronova E.I. (ed.). *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Vypusk XVIII* [China in the World and Regional Politics. Vol. XVIII]. Moscow: RAN. Institut Dal'nego Vostoka. 2013. P. 296-329. (In Russ.)

Held D. Regulating globalization? The Reinvention of politics. – *International Sociology*. 2000. Vol. 15(2). P. 394-408.

Karneev A.N. Kitai i globalizatsiya cherez prizmu diskussii kitaiskikh uchenykh [China and Globalization through the Prism of Discussion of Chinese Scientists]. – *Pod"em Kitaya: znachenie dlya global'noi i regional'noi stabil'nosti. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Rise of China: Implications for Global and Regional Stability. Collection of articles of the international scientific conference]. Moscow. 2007. P. 45-63. (In Russ.)

Karneev A.N. "Kitaiskaya model" i spory po ee sushchnosti v KNR ["Chinese Model" and Debate on its Essence in China]. – *Vladivostok 2012: ATES i novye vozmozhnosti Rossii* [Vladivostok 2012: APEC and Russia's new Possibilities]. Moscow: Universitetskaya kniga, ISAA MGU Moscow. 2011. P. 255-275. (In Russ.)

Kondrashova L.I. *Kitaiskaya mechta o natsional'nom vozrozhdenii* [The Chinese Dream of National Rejuvenation]. Moscow: Institut ekonomiki RAN. 2014. 36 p. (In Russ.)

Korsoun V.A. Identity "with Chinese Specificity". – *Polis. Political Studies*. 2008. No. 3. P. 68-79. (In Russ.)

Lampton D.M. How China is Ruled: Why it's Getting Harder for Beijing to Govern. – *Foreign Affairs*. 2014. January/February. P. 74-84.

Lukin A.V. Kitai: mediokratiya, meritokratiya ili demokratiya? [China: Mediocracy, Meritocracy or Democracy?]. – *Vozvyshayushchiisya Kitai i budushchee Rossii (Raboty o Kitae i rossiisko-kitaiskikh otnosheniyakh)* [The Rising China and the Future of Russia (Works on China and Russian-Chinese Relations)]. Moscow: Publ. House International Relations. 2015. P. 268-270. (In Russ.)

Mitter R. *A Bitter Revolution: China's Struggle with the Modern World*. Oxford: Oxford University Press. 2004. 357 p.

Ramo J.C. *The Beijing Consensus*. London: The Foreign Policy Center. 2004. 74 p.

Shambaugh D. *China Goes Global: The Partial Power*. Oxford: Oxford University Press. 2013. 432 p.

Xi Jinping. Osushchestvlenie kitaiskoi mechty na blago ne tol'ko kitaiskogo naroda, no i narodov vsego mira [Implementation of the Chinese Dream for the Benefit not only the Chinese People but also the Peoples of the World]. – *O gosudarstvennom upravlenii* [The Governance of China]. Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. 2014. P. 77-79. (In Russ.)

Zhao Tingyang. Realizing the Chinese Dream? – *International Trends*. 2015. Vol. 13. No. 2 (41). April-June. P. 21-34. (In Russ.)